

Я был поражен настолько, что меня охватил ледяной ужас. Руки непроизвольно задрожали, и чашка, которую я сжимал, выскользнула из пальцев. Раздался звон разбитого фарфора, а чай разлился по полу. Как же так... Невозможно, просто невозможно!

За растерянностью нахлынула ярость, от которой глаза невольно налились кровью. Я схватил старого лекаря за воротник, позабыв о своем обычном хладнокровии:

— Обязательно должен быть другой способ, должен! Говори скорее, что это за способ! Если не скажешь — поплатишься головой.

В голове мелькнула жестокая мысль, и я холодно усмехнулся:

— Убить тебя мало. Раз ты такой непокорный, вся твоя семья отправится следом за тобой. Как тебе такое?

Едва я закончил, старик затрясся всем телом и едва не рухнул на колени, беспрестанно бормоча:

— Ван, пощадите! Ван, умоляю, пощадите!

До чего же жалкое зрелище. Пощадить? Пощадить, говоришь... Кажется, я и сам когда-то так молил.

Отец, император... прошу вас, пощадите его! Сыжань... Сыжань ни при чем, это я его заставил, он не хотел! Если нужно кого-то убить, убейте меня!

Я помню, как стоял тогда на коленях, рыдая и умоляя, но окружающие были глухи и слепы. В их глазах читались лишь отвращение и насмешка. Кто-то выхватил меч у стражника, и холодный блеск клинка ослепил меня. Этот человек прошел мимо, даже не взглянув, и вонзил острие в окровавленного Сыжана, лежавшего у меня за спиной...

Что толку от титула наследного принца? От титула вана? От императорского трона? Что стоит эта хваленая «честь королевской семьи», которую все так берегут?! Он всего лишь полюбил меня, а я — его... Разве в этом было преступление? Та улыбка, застывшая на его губах даже после смерти, казалась мне издевкой — смехом надо мной и моими пустыми обещаниями. Ведь я клялся защитить его, клялся, что мы будем вместе и в жизни, и в смерти...

Несогласие, досада, гнев, ненависть... Все это копилось в глубине души, бурлило и ждало часа, чтобы вырваться наружу и обрушиться на тех людей. На всех тех, кто смотрел на меня с холодным презрением и отвращением. Я обязательно верну им всё в десятикратном размере!

Голову пронзила острая боль. Я схватился за лоб, окончательно погружаясь в пучину прошлого. Синжэнь, стоявший рядом, заметив мое состояние, обеспокоенно заговорил:

— Господин, что с вами? Господин, ответьте хоть слово...

Я не слышал его, лишь произнес с редким оскалом:

— Пощады просишь... А кто пощадил его тогда? Кто пощадил тебя? Невозможно!

Я резко разжал пальцы, и дрожащий старик рухнул на пол. Поняв, что происходит, он принялся иступленно биться лбом о землю. Я наблюдал за этим с ледяным равнодушием. Синжэнь, не выдержав, тоже опустился на колени, умоляя меня простить бесполезного лекаря.

Грохот ударов лбом об пол и мольбы не могли разбудить Цин Хэна. Глядя на его спящее лицо, я снова видел Сыжэня в луже крови на внутреннем дворе. Сердце разрывалось от боли и беспомощности... Никто не хотел мне помочь. Как же я их ненавижу! Как же мне горько!

Не знаю, сколько времени старик бился головой об пол — наверное, около часа. Лоб его был разбит в кровь, но он не останавливался. Алая жидкость, медленно стекавшая на пол, застлала мне глаза. Я смотрел в пустоту. Раньше, когда я грозил ему смертью, он не был так настойчив... Неужели семья и вправду так важна?

Я усмехнулся и покачал головой. Должно быть, важна. Ведь там есть те, кто тебе дороже всех на свете. Увы... моя семья никогда не считала меня своим, превратив дом в сборище чужих людей. А единственный человек, который был мне по-настоящему дорог, уже покинул этот мир. О какой семье вообще может идти речь? До чего же всё это нелепо. А теперь...

Я перевел взгляд на человека, лежавшего на кровати. Его плотно сомкнутые веки, казалось, никогда больше не откроются, а мягкая улыбка уходила из моей жизни...

Я с таким трудом нашел того, с кем хотел прожить всю жизнь, только начал мечтать о доме, а он уже готов меня покинуть. Какая жестокость...

Я подошел к кровати и сел рядом, осторожно коснувшись его бледного лица. Его черные волосы были такими мягкими, и это ощущение шелка под пальцами никак не желало уходить. Опустив взгляд, я прислонился головой к его груди, прислушиваясь к едва уловимому сердцебиению.

Ради тебя я готов был забыть старые обиды, почему же ты не даешь мне даже такого шанса... Если посмеешь уйти и исчезнуть, не вини меня в том, что я нарушу обещание — я вырву тебя из своих мыслей, не дам тебе больше появиться в моих снах и ранить мое сердце!

Слегка тронув губы горькой усмешкой, я выпрямился и позвал:

— Синжэнь, немедленно позови всех лекарей, каких только сможешь найти.

Синжэнь поднял голову, опешив, но тут же просиял:

— Слушаюсь, господин! Сейчас же исполню! — он вскочил и бросился вон из комнаты.

Я слабо улыбнулся, глядя на старика-лекаря, чья седая борода уже пропиталась кровью. Даже понимая, что от такого усердия он может умереть, он не прекращал биться лбом, пока я не пообещал оставить в покое его семью. Упрямый старик. Хоть и стар, но его упорство не уступает моему прежнему «я». Я жестом велел ему подняться и сказал с легким вздохом:

— Вставайте. То, что я говорил ранее — лишь гневные слова, не берите в голову.

Если бы это услышал кто-то другой, он бы пришел в ярость, но старик лишь принялся кланяться и благодарить меня, словно я даровал ему великую милость, не подозревая, что причиной всех его мучений был я сам.

Лекарь поднялся, перевязал разбитый лоб куском белой ткани и, снова поклонившись, начал пятиться к выходу. Я махнул рукой:

— Ступайте. И тише, не разбудите Цин Хэна...

Старик оказался забавным: он лишь молча приложил палец к губам, изображая «ухожу», и тихо вышел.

В последующие часы Синжэнь со слугами привели остальных лекарей. Они один за другим осматривали Цин Хэна, а я не отходил ни на шаг, храня угрюмое молчание.

— Простите, господин, мои способности ограничены, я не могу вылечить государственного наставника... — молодой лекарь, вытирая пот со лба, даже не осмеливался поднять на меня глаз. Его голос дрожал, будто он боялся, что я сейчас его проглочу.

Я уже не помнил, какой это по счету лекарь — кажется, последний. Я махнул рукой, позволяя ему уйти. В груди зияла пустая дыра... это чувство было невыносимым.

На пороге я снова окликнул его:

— Потрудитесь выписать лекарства для укрепления сердца и восстановления жизненных сил.

— Слушаюсь, ван, — кивнул он.

— Ступайте.

Когда лекарь ушел, Синжэнь посмотрел на меня. Его глаза покраснели, а голос дрожал от сдерживаемых рыданий:

— Господин...

Я потер виски. Усталость навалилась тяжким грузом. Я жестом велел Синжэню уйти. Тот поджал губы, чтобы не заплакать, и вышел. В ту секунду, когда закрылась дверь, я увидел, как из его округлых глаз скатились крупные слезы.

Я хотел улыбнуться, но не смог.

— Этот Синжэнь... во всем остальном еще терпим, но уж больно плаксив. Может, он слишком торопился при перерождении? Должен был родиться женщиной, а стал мужчиной... — от нечего делать я принялся перебирать прядь черных волос, спадавшую на щеку Цин Хэна. Непонятно, говорил ли я это самому себе или Цин Хэну. Ответа не последовало.

Не знаю, сколько времени я так пробормотал, но в конце концов, прислонившись головой к его груди, сам не заметил, как уснул.

Когда я открыл глаза, уже светало. Теплый утренний свет заливал комнату. Первое, что я увидел, — улыбающиеся глаза Цин Хэна, смотрящие прямо на меня. Чуть изогнутые уголки губ намекали на то, что сегодня у него неплохое настроение. Я приподнялся. Встретиться с ним взглядом было приятно, но в то же время как-то неловко.

Я деликатно кашлянул:

— Цин Хэн, как ты себя чувствуешь? А... я сейчас велю принести отвар. Полежи, не вставай.

Цин Хэн рассмеялся:

— Цзы Цин, ты преувеличиваешь. Я не при смерти, это лишь старый недуг. К тому же, разве тебе не пора сегодня выступить к границе с войсками?

Он говорил так легко и беззаботно, что я нахмурился:

— Даже сейчас пытаешься меня обмануть...

Его улыбка погасла, а в глазах промелькнула тень. Цин Хэн опустил взгляд и поправил рукава:

— Цзы Цин... я сказал, что поправлюсь, значит, так и будет. Неужели не веришь моим словам?

Я нахмурился. Верю. Как можно не верить тому, с кем хочешь прожить всю жизнь? Но как мне убедить себя и на чем строить эту веру?

Я не ответил, а вышел из комнаты, чтобы позвать Синжэня и распорядиться насчет лекарства, которое прописал вчера молодой лекарь. Я не ушел, пока не убедился, что отвар готов и у меня в руках.

Вернувшись, я замер на месте. Цин Хэн стоял у окна, накинув поверх белоснежного одеяния легкий халат. Иссиня-черные волосы блестели на свету, частично ниспадая на грудь. Его «глаза персикового цвета» были полуприкрыты — он был полностью поглощен книгой. Без своей обычной улыбки он казался строже. Солнечные лучи, проникавшие сквозь окно, озарили его фигуру, придавая ему облик небожителя, далекого от мирской суеты.

Я стоял неподвижно, боясь спугнуть эту тихую грацию, боясь, что этот небесный образ сейчас растает, как дым.

Однако лекарство в руках начало остывать. Если оно остынет, станет горьким. Что ж... кажется, такова судьба — разрушать покой ради необходимости.

Я покачал головой и тихо постучал по дверному косяку. Цин Хэн перевел взгляд со страниц на мое лицо, и его губы тронула легкая улыбка:

— Цин Хэн, отвар остывает.

Я подошел к нему. Цин Хэн отложил книгу, взял чашу и, понюхав, поднял на меня глаза:

— Укрепляющее?

Я кивнул.

Он помолчал, затем вздохнул, усмехнулся чему-то своему и залпом выпил горький отвар. Я лишь цокнул языком. Будь на его месте я — ни за что не стал бы пить эту гадость. Хотя... я совсем забыл, что Цин Хэн сам искусный лекарь, с детства привыкший к лекарствам, разве может его испугать такая малость?

Когда он закончил, я велел Синжэню забрать пустую чашу. Мы немного поели, и Цин Хэн заговорил:

— Цзы Цин, уже наступил час Змеи. Почему ты еще не повел войска к границе? Если беспокоишься обо мне, возьми меня с собой, только не опаздывай.

— Я... не хочу уезжать. Твое состояние не позволяет, а если я не буду видеть, что ты в безопасности, я сойду с ума. К тому же там, на границе, повсюду опасность, предательства, скрытые ножи... если ты пострадаешь, что я буду делать? Нет, это невозможно.

Цин Хэн нахмурился, а затем вздохнул с досадой:

— Цзы Цин, нельзя действовать так опрометчиво. Наши чувства важны, но нельзя упускать шанс на победу. К тому же, это прямой приказ императора. Если ты не поедешь, это будет изменой. Нельзя так поступать.

Я налил чаю себе, а затем, прикрыв рукавом, — ему.

— Ничего страшного. Быть рядом с тобой — вот что важно, а остальное — чепуха. В Государстве Цзин хватает талантливых полководцев, не обязательно быть мне. А о твоём здоровье ты и сам знаешь лучше меня, не нужно меня утешать. Сколько дней я смогу быть рядом — столько и будет, мне этого хватит, чтобы не жалеть ни о чем.

Цин Хэн отпил чаю:

— Эта болезнь излечима. Мой старший ученик, с которым мы вместе учились, с детства был куда искуснее меня в медицине. Я послал за ним весть, он должен прибыть на днях. Когда он приедет, он поставит меня на ноги. Цзы Цин, ступай к границе, не беспокойся обо мне.

Я не поверил:

— Тогда я дождусь его приезда и только потом отправлюсь в путь.

Цин Хэн рассердился, но я, нацепив самую невозмутимую улыбку, решил не отходить от него ни на шаг. Вскоре в комнату ворвался Синжэнь, запыхавшийся так, что не мог выговорить ни слова.

— Гос... господин! Там... там за воротами мужчина требует встречи с господином Гу. Он выглядит очень встревоженным, боюсь... случилось что-то срочное.

Цин Хэн, который как раз собрался сделать глоток чая, замер. По его выражению лица я понял — это и есть тот самый ученик. Я поставил чашку и поднял бровь:

— Где он?

— Его... его пригласила в главный зал вдовствующая княгиня, они сейчас беседуют.

Я потер лоб, чувствуя смесь досады и облегчения:

— Чего же ты стоишь? Беги и приведи его сюда!

Синжэнь замялся:

— Но... как же вдовствующая княгиня...

— Скажи ей, что у меня срочное дело к этому господину, дело государственной важности, которое нельзя отложить. Она поймет.

Синжэнь поклонился и умчался. Я посмотрел на Цин Хэна, который не сводил глаз с двери:

— Это ведь он, твой соученик?

Он кивнул, улыбнувшись:

— Скорее всего...

— Хорошо. — Я почувствовал, как с плеч упал тяжелый груз. Вопросы жизни и смерти — Цин Хэн не стал бы шутить такими вещами. Раз этот человек приехал, значит, с ним всё будет хорошо. Какое счастье.

Цин Хэн вдруг побледнел, прикрыл рот рукавом — кажется, закашлялся кровью. Видимо, ему было очень плохо. Я нахмурился, чувствуя, как сердце сжимается от боли:

— Цин Хэн, ты...

— Все в порядке, Цзы Цин, не волнуйся, — ответил он с ободряющей улыбкой.

Я не мог успокоиться. Вскоре Синжэнь привел молодого человека в скромных зеленых одеждах. Он выглядел утонченным, почти как Цин Хэн, но если присмотреться, то именно Цин Хэн казался старшим наставником, а этот юноша — его младшим братом.

— Старший... э-э, младший брат, прошу прощения, задержался в пути, — Цин Хэн встал, чтобы поприветствовать его. Юноша посмотрел на меня и замер:

— Должно быть, это и есть прославленный князь Сян? Я слышал о вас еще в юности. Говорят, вы принесли Государству Цзин бесчисленные победы. Честь видеть вас воочию.

Теперь замер я. Моя «слава» была построена совсем не на этом, да и не стоило о ней упоминать. К тому же, это отец мой совершил множество подвигов, а мои заслуги были куда скромнее. Стало неловко.

— Вы льстите мне, — ответил я. — Но, быть может, сперва займемся лечением Цин Хэна?

Цин Хэн, до этого молчавший, улыбнулся:

— Цзы Цин, теперь, когда мой соученик здесь, я в надежных руках. Тебе пора выступать. Если так беспокоишься, я присоединюсь к тебе позже.

Цинлин покачал головой:

— Нельзя. Путь с войсками слишком долг, это не пойдет на пользу старшему брату.

— Эх... тогда Цин Хэн, отдыхай дома. Если что-то понадобится, говори Синжэню. Если станет лучше, передай мне весточку, чтобы я был спокоен.

Цин Хэн ответил своим обычным мягким голосом:

— Хорошо.

— Всё мое упование на тебя, Цинлин, прошу, сделай всё возможное, чтобы вылечить его.

Я поклонился Цинлину и, тяжело вздыхая, неохотно повернулся и пошел прочь.

Позади послышался голос Цин Хэна:

— Цзы Цин, будь осторожен на поле боя. Береги себя. Обязательно вернись живым.

Я обернулся, и сердце наполнилось радостью:

— Обязательно!

Мои шаги стали легче. Во что бы то ни стало, я вернусь. Цин Хэн, ты обязательно должен дожждаться меня...

Я и не подозревал тогда, что это расставание станет для нас последним, разделив наши жизни навсегда.

Попрощавшись с Цин Хэном, я зашел к матушке, чтобы поклониться и предупредить об отъезде. Она ответила что-то равнодушное. Я вздохнул и, выйдя из резиденции, направился к городским воротам.

Под палящим солнцем я всё еще чувствовал тяжесть на душе. У ворот меня уже ждали Фэн Инь и придворные. За их спинами выстроились десять тысяч отборных воинов. Перед солдатами стояли чаши с вином для прощального тоста. У ворот толпились женщины и старики — семьи воинов, глаза их были красными от слез, многие прикрывали лица платками.

Под неприязненными взглядами придворных я опустился на колени:

— Прошу прощения за опоздание, император, прошу меня наказать.

— Дядюшка, вставайте, не нужно формальностей. Главное, что вы здесь, — Фэн Инь улыбнулся и помог мне подняться. Заметив бинты на моем лбу, он обеспокоенно спросил: — Дядюшка, что с вами?

Я коснулся лба:

— Благодарю за беспокойство, это пустяки, вчера нечаянно ударился.

Фэн Инь выдохнул:

— Ну и хорошо.

После обязательных любезностей Фэн Инь выпил чашу вина, я последовал его примеру, а затем, как и подобает, с силой разбил чашу о землю:

— Клянусь изгнать врага за пределы наших границ!

— Мы клянемся изгнать врага за пределы наших границ! — взревели воины, и в этом крике было столько мужества и решимости защитить родную землю, что даже смерть казалась им ничем.

Фэн Инь улыбнулся и тихо сказал мне:

— Берегите себя.

— Слушаюсь, император.

<http://bllate.org/book/21938/2279251>